

ISSN 2224-5294

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

Х А Б А Р Л А Р Ы

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ҚОҒАМДЫҚ ЖӘНЕ ГУМАНИТАРЛЫҚ
ҒЫЛЫМДАР СЕРИЯСЫ

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

1 (305)

ҚАҢТАР – АҚПАҢ 2016 ж.
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2016 г.
JANUARY – FEBRUARY 2016

1962 ЖЫЛДЫҢ ҚАҢТАР АЙЫНАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1962 ГОДА
PUBLISHED SINCE JANUARY 1962

ЖЫЛЫНА 6 РЕТ ШЫҒАДЫ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

АЛМАТЫ, ҚР ҰҒА
АЛМАТЫ, НАН РК
ALMATY, NAS RK

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 6, Number 305 (2016), 107 – 120

LIMITATION OF SENSE: THE ABSURD AND THE NON-ABSURD

A. V. Dovgan

a_dovgan@list.ru

Managerial Staff of Culture and Arts, candidate of philological science

Keywords: sense, absurd sense, absurd, non-absurd, limited sense.

Abstract. The article describes the features of the nature of meaning in the context of the relation between language and reality. The specifics of the absurd and the absurd sense from the perspective of linguistic pragmatics is outlined.

ЛИМИТИРОВАНИЕ СМЫСЛА: АБСУРД И НЕ АБСУРД

Довгань А.В.

a_dovgan@list.ru

Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств,
кандидат филологических наук

Ключевые слова: смысл, абсурдный смысл, абсурд, не абсурд, лимитирование смысла.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности природы смысла в контексте соотношения языка и реальности. Очерчена специфика абсурдного и не абсурдного смысла с позиций языковой прагматики.

Постановка проблемы. Разрыв между языком и реальностью ярко проявляется в *универсальности* первого и *уникальности* второй. Так, язык уже в своем исходном проявлении является *средством*, в то время как реальность – *явлением*. Бытие человека представляется таким образом, что подобие сути стремится выжить, а рассудочное сознание – развиться, расшириться, выйти за рамки самого себя, не просто жить, а свободно самоопределяться. Именно их переход обуславливает то, что представляется нам как разрыв саморасширяемого бытия и самоподобие сути, что в экзистенции выражается в одномоментном влечении остаться в себе и выйти из себя, «уничтожить» себя настоящего, став иным [45, с. 29].

Язык – это уже понятный и устроенный человеком мир. Именно поэтому он не позволяет человеку заглянуть за себя, быть без него. В нем бытие и понимание бытия неразрывны. То есть без языка ничего нельзя, а с языком не все можно. Никто не может говорить, оставаясь вне языка. Однако можно быть в языке и молчать. Поскольку молчать в языке – это уже говорить. Язык – мяч, его нельзя перекинуть с одного поколения в другое. Речевой поток никогда не прерывается, а это означает, что в нем сознание просыпается. И тогда сознание не противостоит речи (языку). Оно ее будто не замечает. А еще существует речь, которой противостоит сознание. Это чужая речь. Позднее сознание может противопоставить себя и родной речи, выделяя ее как речь *Иного* [5, с. 109].

Язык – это тоже форма смысла, которая, в этом контексте, понимается как реальность. Однако смысл в языке никак не может быть реальностью (разве что языковой), поскольку главной характеристикой последней являются: а) *событийность* и б) *динамичность*. События говорят. Смыслы молчат. События имеют видимость. Смыслы овиты непрозрачностью дословного. Есть смыслы, существование которых обеспечивается отказом от понимания их событийности. Так же существуют события, участие в которых обеспечивается отказом от их поименования, от понимания их смысла [6, с. 46].

Понятно, что язык не событийен и не динамичен, поскольку динамика, которая ему присуща, – свойство знака, а не того, что он означает. В реальности есть все, но в ней нет имени, того, что *симулирует реальность*. Имя является продуктивным симулякром (копией, которая не имеет оригинала в реальности). Существо реального в непоименованном существовании [5, с. 5]. Так, естественно, что для языка характерной является особая динамика – *динамика смысла*, лимитированная в границах системы «абсурд / не абсурд». (Тут необходимо учитывать, что упомянутая система ограничивается лишь индивидуумом, а для языка как системы смысл ценен сам по себе, независимо от того, ложный он или правдивый, реальный или не реальный, абсурдный или не абсурдный.)

Естественно, что смыслы – это не произвольная выдумка отдельного человека. Поскольку каждый человек стремится не только понять остальных, но и быть понятным для них. Последнее возможно только потому, что организация смысла подчиняется определенным законам, нормам смыслотворчества. Потому что смысл – это всегда правильно организованная мысль [14]. Последняя, по-нашему мнению, является спорным понятием, поскольку нельзя сказать, что одна мысль «правильная», а другая – «неправильная»: и первая, и другая несут определенный смысл (вопрос возможности и сложности его интерпретации буде уместным). При это необходимо учитывать еще и то, что, фактически, смысла вне языка не существует, а значит любая мысль, даже неправильно организованная, является «правильной». Так, говоря, к примеру, про особенности языковой игры в литературе нонсенса, необходимо указать основное явление, характеризующее произведения нонсенса как бессмысленные тексты: игру смыслов и нарушения соединяемости на всех возможных уровнях языка [35, с. 70].

Анализ последних исследований и публикаций. Вопрос лимитирования смысла – междисциплинарный, поэтому неудивительно, что его исследования так или иначе можно найти в разных сферах: психологии (А. Агафонов), культурологии (А. Васильев, К. Кирамова, И. Морозова, В. Новикова), философии (О. Вдовиченко, Ф. Гиренок, Е. Косилова, А. Кравец, Р. Павилёнис, А. Пелипенко, Е. Цветухина), литературоведы (О. Коляса, В. Соковнина, Е. Река), лингвистике (О. Палкевич, М. Панкина, Н. Титова, Н. Урсул, Е. Шабалина) и другие.

Формулирование целей статьи (постановка задания). *Целью* статьи является рассмотрение особенностей природы смысла в контексте соотношения языка и реальности. *Предметом* – онтологичная специфика абсурдного и не абсурдного смысла.

Изложение основного материала. Понятно, что *смысл* – психологический продукт, в то время как значения (предметные и лингвистические) принадлежат внешнему, относительно психики, миру, при чем, необходимо подчеркнуть, что смыслы как содержания психического уникальны, так же как уникальным является сознательный опыт человека, как уникальна любая человеческая жизнь [1, с. 69]. Интересно, что если учитывать вышеупомянутый тезис про «правильность» любой мысли, то следует постулировать также и абсолютную уместность, естественность любого смысла, даже абсурдного, с позиций языка. Тут появляется своеобразная проблема *отделения психики* (сознания, индивидуальности и так далее) *от внешней среды* (в этом контексте – реальности). Однако психика формируется лингвистической и внелингвистической реальностью, то есть она *представлена* ею, но не *вне* ее, а значит – не может быть отделена от последней.

Отметим, что особенности абсурда и не абсурда специфичны, поскольку они лимитируются не только сознанием индивидуума, но и его конкретным состоянием в момент интерпретации (осознания) и так далее. Так, пирог может быть сырым, испеченным или подгорелым, однако все эти состояния не делают его столом. Показательно в этом плане то, что большинство случаев самоубийства наблюдается в психически-здоровых людей, которые, вследствие определенных событий (смерть близких, социопатологические тенденции общества и другое), теряют смысл своей жизни. Интересно, что само явление смысла (особенно в этом контексте) целиком субъективное, поскольку то, что может для одного представлять смысл, для другого является несущественным или даже абсурдным. Это естественно, поскольку смысл является системной конструкцией, которой присуща тонкая органика связи смыслонесущих элементов (лексем). Нарушение хрупкой органики смысла, по примеру нарушения наследственной программы организма, приводит к появлению «смысловых мутантов» [15].

Само существование таких элементов подводит нас к мысли про соотношение понятий смысла и абсурда, заставляя дать собственные определения этих понятий. Так, под *смыслом* мы понимаем нескомпроментированные реальностью данные про явления, события и так далее, которые несут базовый характер, в первую очередь, для индивидуума. Понятно, что говорим мы тут про *языковой*

смысл, а не *смысл как такой*, а поскольку наше сознание просто не может себе представить себя вне языка из-за особенностей своей природы, то и пытаться его идентифицировать не рационально.

Таким образом, абсурд не является антисмыслом, то есть полной противоположностью смысла, но иррациональной системой по типу роя, которая состоит из недискредитированных фрагментов смысла, которые пребывают в оппозиции к лингвистической реальности. То есть абсурд – это констатация смыслового, логичного, бытийного и, соответственно, языкового бессилия выявить организующее начало в окружающем мире [4, с. 74]. При этом, на наш взгляд, необходимо рассматривать абсурд как, в первую очередь, *языковое усилие смысла*, направленное на презентацию несовершенства и неполноты последнего в сравнении с реальностью. Бессмыслие такого абсурда противостоит не смыслу, а его отсутствию, которое не может подарить себе и смысл. Отметим, что проблема абсурда состоит не в том, чтобы себе что-то подарить, а в том, чтобы удержать полученное [5, с. 24].

Понятно, что любой речевой акт прагматично обусловлен, то есть реципиент может предположить, что абсурдное слово или словосочетание рассказчик высказал не случайно, что за ним скрыт определенный смысл, сознательно сокрытый рассказчиком [42, с. 14]. При этом необходимо также помнить о том, что показательная хаотичность абсурда, так же как и упорядоченность традиционного смысла, находится в уникальном семантическом поле любого языка, выступая его неотъемлемыми компонентами. Так, прилетная доска и леток улья являются зеркалом состояния семьи пчел и по их поведению около них можно определить, насколько сильна эта семья, не готовятся ли насекомые к роению, не начался ли медосбор и тому подобное. Если мы видим, что на прилетной доске большое количество пчел пытается проникнуть в середину улья, толкается, присутствует ощущение активной работы – это хорошо, поскольку говорит о том, что семья вошла в силу, работа кипит. Если же пчел мало – это признак слабой семьи [31]. Подобно пчелам, смыслы любого рода являются зеркалом языковой системы в целом, то есть совершенство, продуманность и связность отдельного смыслового компонента является *фракталом* (геометрический объект, суть которого в том, что часть идентична целому, то есть повторяет его) всего явления. Именно поэтому абсурд является настолько *осмысленным*, насколько и смысл (возможно, даже более тщательно), поскольку для того, чтобы *абсурдизировать* что-то это что-то необходимо помыслить, осознать, воспринять и превратить в гротеск (карикатуру) на самого себя. То есть всякий разговор – это, в первую очередь, разговор с собой, диалог *уже-сознания* и *знакового сознания*. При этом разговор представляется как цепочка взаимных отрицаний и согласий. Отрицание при этом рассматривается как задержка реакции, обдумывание услышанных слов, молчание, ложь [5, с. 84].

Любые тексты существуют в культуре, если они говорят то, что от них хотят услышать. «Прослушиваемость» культуры, или ее публичность, исключает то, что не прослушивается; то, что уже было испробовано словом. «Испробованное» выставляется на общее рассмотрение для общего пользования [7, с. 109]. Таким образом, традиционный и абсурдный смыслы постоянно уравновешивают друг друга в языковой системе. С одной стороны, традиционный смысл воспринимается нами как базовый для любой системы, в то время как абсурд – необходимым элементом, который вносит в нее нелинейность, то есть своеобразной надстройкой, мутацией смысла.

Человек, как и его сознание, вписаны в культурный контекст, одним из элементов которого является язык. Дальнейшее усложнение смысла привело ее к необходимости оптимизировать вычислительные и аналитические операции, последнее, в свою очередь, привело к появлению многопроцессорных систем. Кроме улучшения характеристик одного ядра, человек создал многопроцессорные системы, способные при использовании распараллеливания процесса вычисления, многократно превосходить возможности однопроцессорных машин. Балансировка нагрузки и своевременное, а также правильное распределение заданий по вычислительным узлам является приоритетным заданием в этих системах. И, действительно, прорыв в этом вопросе можно достичь при использовании SWARM-алгоритмов [40], построенных на *методе роя агентов* и *алгоритме пчел*, а также пчелиной колонии. Последние используются для решения обратной задачи радиолокационного мониторинга дорожного покрытия, которая является структурной областной задачей подповерхностного зондирования [2, с. 28]. Таким образом, мы видим, насколько сложной является структура любого языка, аналитическая и подстроенная под логичное видение мира. Это приводит нас к выводу о том, что любой язык является техническим в первую очередь, поскольку его основополагающее значение – коммуникация между людьми, то есть он представляется средством обмена информацией. Подобно фотографии реальности, которая никогда не сможет ею стать, природа последней такова, что она чудесным образом замещает реальность так, что такое она представляется сквозь призму такого фото, какой бы несовершенной то не было.

В «Медиа насекомых» Парикка описывает то, что он называет «технологией природы» – тот способ установления связи с миром, при котором не только люди изобретают и изготавливают вещи и артефакты. Насекомых можно использовать как модель мышления для того, чтобы продемонстрировать неосознанные аспекты нашего опыта. Одним словом, «цифровые технологии и искусство обнажают животное начало в человеке» [34]. Следует сделать замечание, что язык, в этом контексте, представляется не менее «живым», чем любой человек, поскольку он антропоморфен, то вобрал в себя все недостатки и достоинства, не просто отдельного индивидуума, а, скорее, сумму, обобщенное число, вариативность этих маркеров. В таком свете, язык можно считать не только упорядоченной, но и хаотической структурой (поскольку, как утверждают *хаологи*, – исследователи хаоса, – он также имеет определенную упорядоченность), а лингвистический абсурд интерпретировать как явление *неконвенциональной номинации* – результат создания новой формы и неожиданных смыслов на основе необычной, сугубо субъективной концептуализации и категоризации адресантом действительности мира [42, с. 5].

Показательна в этом плане *роевая модель поведения*, при которой частички (концептуальные математические объекты) располагаются в пространстве, заданные параметрами задачи, которая решается (в этом контексте – проблемы передачи смысла – наше примечания А. Д.). Каждое положение частички характеризуется годностью (потенциальной возможностью дифференциации всей парадигмы интерпретирования – наше примечания А. Д.). Частички имеют квантовое поведение и описываются своими координатами. Каждая частичка имеет память и сохраняет свою лучшую позицию в пространстве поиска. Однако частичке известна и лучшая позиция. Рой прекращает движение в процессе исполнения хотя бы одного из следующих условий: 1) достижение состояния равновесия; 2) поиск оптимального решения; 3) исполнение определенного количества *итераций* [44] (повторов). Упомянутое выше, естественно, является мотивом языковой динамики смысла, однако оно не может быть реализовано полностью из-за своей *амбивалентной* (двузначной) природы, которая продуцирует открытость и негибкость смыслового наполнения языка. Последняя, понятно, подчиняется условиям универсализма, который делает языковую систему удобной, хотя и несовершенной, формой, обеспечивающий высшую ступень взаимопонимания людей.

Отметим в связи с этим, что среди задач непрерывной концевомерной оптимизации самыми важными с практической точки зрения и, одновременно, наиболее сложными являются *задачи глобальной оптимизации*. Относительно новым классом методов решения задач глобальной безусловной оптимизации, который имел значительное распространение, являются эвристические методы, среди которых выделяются *поведенческие (имитационные)*. Последние основываются на моделировании коллективного поведения самоорганизующихся живых и неживых систем [9]. Одной из таких систем, как мы уже говорили, является язык, поведение слов в котором подобно алгоритму роящихся частиц – стохастическому методу поиска. Его базисом является интеративное взаимодействие частиц, образующих рой [44], которое представляет стержневой характеристикой любой языковой системы, составляющие которой настолько плотно переплетены в смысловой сфере, что создают языковую реальность, подменяющую онтологическую.

Показательным в этом плане является то, что, к примеру, в нонсене (читайте – абсурде, бессмыслице и так далее) отсутствует стержневой (основополагающий) смысл. Именно поэтому нонсенс – это бессмыслица с точки зрения определенного смысла. На самом деле он состоит из цепочки *доопределяющих смыслов* того, что может быть определено. Таким образом, нонсенс – это *ризом* (один из наиболее важных и наиболее известных концептов в философии Ж. Делеза, разработанный главным образом в произведениях, написанных в соавторстве с психологом и психиатром Ф. Гваттари; в ботанике этим термином обозначают ползущий корнеподобный подземный стебель некоторых растений, при этом размножение происходит бесполо: корешки удлиняются, разрастаются, что и обуславливает рост новых стебельков смыслов, движение которых задается семантической пустотой на месте главного смысла [5, с. 24].

Понятно, что слово может иметь много значений, эта его характеристика делает язык универсальным носителем обобщенного смысла, однако эта многозадачность может играть и негативную роль. Показательным, в этом плане, является полет бабочки. Так, при полете насекомого среди густой растительности акустические условия очень специфичны за счет взаимного экранирования элементов окружения: вокруг летящей бабочки создается частично замкнутое акустическое пространство постоянно меняющейся формы. Отраженные от листьев волны создают на входах тимпанальных органов растянутые во времени шумоподобные сигналы. Скорее всего, в таких условиях

слуховые рецепторы будут реагировать на первый амплитудный выброс, который соотносится с наиболее сильным эхом. При избыточной чувствительности локационной системы это условие одновременно будет исполняться для отражения по большинству каналов, последнее может существенно усложнить дальнейший пространственный анализ ЦНС [16, с.68]. Приблизительно тоже самое происходит при исполнении человеком языка в качестве готовой формы для смысла: индивидуум вынужден ориентироваться не только на собственное понимание смысловой парадигмы своей речи, но и учитывать экранирование элементов значения окружения – людей.

При этом особенности такого «экранирования» постоянно меняются, вследствие специфичности людей, с которыми он вынужден коммуницировать. Однако даже такое прогнозирование индивидуумом восприятия собственной речи окружающими не гарантирует, что не будет иметь место *смысловая интерференция* (расслоения смысла), то есть того, что объекты не станут воспринимать продуцированный ими самими смысл, игнорируя созданный индивидуумом. Так, в абсурдном тексте языковые аномалии присутствуют практически в каждом высказывании, которое входит в его состав. Такие тексты выстраиваются, как правило, с использованием графической образности, импосибилити, пастиша, подражания психоделического и шизофренического дискурсов [42, с. 5].

Закономерно, что человек выстраивает свое *действие в горизонте речи*. Однако человек – не раб речи, поскольку он постоянно доопределяет ее, а значит и свое действие воображаемым. В речи невозможно бесконечное соединение слов, то есть обломков целого, в речи невозможно передать смысл целого. Невозможна и самодостаточная речь, которая отсылает только к самому себе. Поскольку это целое удерживается образом мира, его первичной репрезентацией. Именно поэтому воображаемое и языковое действие не совпадают. Образ противостоит речи. Представлять – означает совершать языковую трансгрессию. Отказаться от существования неопределенного – означает признать, что феномен человека редуцирует к речи и, таким образом, человек – раб речи [5, с. 109]. Парадоксальным в этом нам кажется то, что язык представляется клеткой, которую, человек, сидящий в ней, сам же и создает для себя, спроектировав последнюю так, чтобы отгородиться от онтологической реальности языковой.

Смысл предложения – это то, что определяет его истинностное значение (экстенсию предложения) в разнообразных возможных положениях вещей (возможных мирах), в разное время, в разных местах, для разных носителей языка и так далее [23, с. 65]. Однако такое значение возможно только в идеальных условиях, когда смысл, вложенный рассказчиком в свое высказывание, полностью соответствует смыслу, интерпретируемом слушателем. Так, если бабочка для одного – нежное, хрупкое насекомое, поражающее яркими, красивыми цветами, то для другого – отвратительное и суетливое создание, бесконечно несовершенное в своем существовании. Таким образом, если первый человек сравнивает танец балерины с полетом бабочки, имея в виду легкость и красоту последнего, то второй, при условии, что он тоже восхищен танцем, отметит, что он (танец) совсем не похож на полет насекомого, а скорее на хрустальное совершенство льда и так далее. Интересно, что такое *расслоение смысла* касается практически любой сферы: так, к примеру, основные дефиниции комического сводятся к следующим признакам: в философии – это оценочные противопоставления несерьезного, игрового начала серьезному, деловому; в эстетике – это мягкая форма критики уродливого и неприятного; в психологии – это неожиданная разрядка эмоционального напряжения; в социологии – это карнавальное переключивание социальных ценностей [13, с. 31] и так далее.

Логично, что в каждом конкретной высказывании реализуется не все богатство смысла, представленное этой структурой, а лишь первые его грани, то есть конкретизированный и редуцированный к определенному лексическому значению смысл, который еще называют еще *актуализированным значением* [15]. При этом в каждом высказывании, как правило, возможна реализация двух таких значений: грань, воспринимаемая рассказчиком и грань, воспринимаемая слушателем. То есть главным отличием представляется *форма смысла* – грань, актуализированная индивидуумом. Понятно, что она *ситуативная*, поскольку психика и сознание человека изменяемы, как и смыслы, порождаемые ими, но бывает и так, что смыслы начинают жить потом своей собственной жизнью, вступая в полностью неожиданные соединения и провоцируя неожиданные связи.

В научной литературе есть интересное понятие *измерения смысла*, которое означает цепочку определенных однородных значений смысла, которые нельзя свести к другим смыслам [12]. Однако, на наш взгляд, такой подход неправилен: в этом случае смысл представляется для нас слишком обширным понятием для того, чтобы изучать его от противоположного. Поскольку определение, на наш взгляд, не должно исходить из определений: сам по себе смысл как раз *может* быть сведен только к другому смыслу в сознании индивидуума. Таким образом, вопрос не в том, чего не или не может

быть, а в том, чтобы выявить человека, который верит в невозможное, давая ему (невозможному) свой, присущий только ему, смысл. То есть в середине первичной целостности формируется контрсистема – «свое/другое», и к этой целостности уже нельзя в обычном обобщенном понятии употреблять термин «развитие». Необходимо уточнить, что именно и как развивается: или первобытная система движется к своим феноменологическим и историческим границам, идет ли речь про генезис контрсистемы; или имеется в виду развитие внутренних отношений системы и контрсистемы. Или, иначе говоря, важно уточнить, что развивается: человек или раковая опухоль в его организме [27]. То есть развитие любого смысла самобытно, особенно ярко это проявляется в смысле абсурдном, поскольку он формируется и функционирует в поле культуры *не специфично*, влияя на нее так, что происходят *флуктуации* (колебания).

Отметим, что культурные формы человеческого бытия являются ловушкой. Дуалистическая естественно-сверхъестественная суть человека, через необратимое выпадение переживающего Я с непротиворечивой континуальной среды приговаривает его на пребывание в травматично конфликтном разорванном пространстве семантических антиномий. Энергия не пережитого виталистического порыва стремится вырваться из этого болезненного состояния. Она и является двигательной силой, которая разворачивает пространство культуры во всех направлениях и обживает его, заполняя цепочками семантико-семиотических форм. Каждое звено в этих цепочках, в момент своего творения, скрывает иллюзию окончательного трансцендентирования. Однако неминуемое отчуждение от его конечных семантических форм опять отодвигает горизонт культуры вдаль, а желаемая непротиворечиво-континуальная среда опять оказывается за порогом трансцендентирования [28]. Таким образом, существование смысла связано с постоянным балансированием между его *первичным универсализмом* (тут мы имеем в виду не смысл вообще, а смысл исключительно языковой) и *природным несовершенством* как *формы*, структура которой произвольно становится прокрустовым ложем для безграничности первичного смысла, отсекая его полифонию звучания, делая его аккорд отрывочным, коротким. То есть язык можно представить, как неожиданную точку в сложноподчиненном предложении, которая, вместо запятой, разделяет богатство его смысла, ампутируя одну из его конечностей, и представляя то, что осталось, как ценность, игнорируя при этом факт увечья и неполноценности.

Бесмыслица могла означать отсутствие смысла, если бы мир был бы линейно упорядоченным. Тогда в одном мире и смысл был бы один. И этот смысл не имел бы никакого отношения к разговорам про мир, поскольку конструировался бы иным способом. Вне языка. А поскольку миров множество, и они нелинейно детерминированны, то и смыслы одного мира могут выглядеть бессмысленными с точки зрения другого [5, с. 24].

Закономерно, что смысл слова не существует вне высказывания, то есть автономно. Смысл вообще имеет *высказывательную природу*, его основой является *предложение*. Именно поэтому, когда от нас требуют разъяснений смысла отдельного слова, мы вынуждены употреблять конкретизированное высказывание, то есть раскрыть дефиницию его смысла [15]. Показательно, что упомянутая дефиниция имеет ментально-национальную специфику, то есть смысл у европейца и американца разный, не говоря уже про африканца. Смысл тут представляется краеугольным камнем культуры, поскольку он лимитируется согласно ее гласных и негласных канонов, формируется в ее контексте и трансформируется вместе с ней, а также «мутирует» в сознании индивидуума. Таким образом, смысл представляется не просто языковым средством, но и средой для разворачивания процесса коммуникации, тканью, на которой вырисовывается языковой узор.

Язык – это всегда совокупность, но не только ее составляющих – лексем, но и, в первую очередь, слов, то есть сем. С одной стороны, ее можно рассматривать в качестве автономной среды, с другой – как определенную целостность. На наш взгляд, оба этих подхода правильны по-своему, однако ключом к пониманию смыслового взаимодействия в конкретном языке и языке как онтологическом явлении является их единство. Так, язык, подобно пазлу, представляется для нас единством разрозненного, однако показательная автономность отдельной единицы, нивелируется плотной сцепленностью каждой из них друг с другом: мы не можем использовать произвольно любые компоненты пазла вместе, поскольку они должны быть частью этого ключевого узла. При этом с тотальности языка есть один выход, а именно: открытие в себе первичного чувства, продуктивности способности воображения. Для этого слова необходимо заменить антисловом, а язык окружить воображаемым [5, с. 6].

Понимание пчелиного улья как автономной среды, которая движется, реагирует и соединяется с окружающим миром, тесно соотносится с современными теориями про рой и роевую логику сетевого общения. Полученная структура роевого интеллекта, состоящая из тел и объектов, которые действуют в унисон, характеризует научные алгоритмы мультиагентных систем. Эти системы используются для решения таких задач, как онлайн-торговля, ликвидация чрезвычайных ситуаций и моделирование социальных структур [34]. При этом довольно закономерным нам кажется то, что именно роевая логика была положена в основу упомянутого сетевого общения, программирования и другого, поскольку наличие целой системы полуавтоматических единиц является более оправданным как практически, так и экономически, поскольку дает больше простора для разного рода «маневров». Так, высказывания характеризуются определенной семантической автономностью: их смысл находится в нем самом. Именно в высказывании (продолжении) проявляется целостность смысла, его определенная завершенность, недоступная для отдельного слова, именно из-за этого оно и становится основным объектом, своеобразной лингвистической парадигмой в исследовании смысла [15]. Кроме того, именно высказывание, а не слово (лексему) или смысл (сему), таким образом, необходимо рассматривать в качестве отправной точки для понимания сути взаимосвязи, ее структуры и так далее.

Семы – это составляющие, семантические компоненты смысла слова. Они являются минимальной дискретной единицей смысла. Состав сем проявляется в сопоставительном анализе разнообразных групп слов по критерию подобия и отличия в их смыслах. При этом семы, которые совпадают по группе слов, называются *интегральными*, а семы, отличающие слова по смыслу, – *дифференциальными* [15]. Однако семный анализ не универсален, поскольку смысл – не только структура со сложноподчиненными связями, но и, в первую очередь, опосредственная связь с реальностью, то невозможно «загнать» его в ловушку. Поскольку анализ слова на составляющие элементы (семы) в большей степени зависит от цели анализа и является относительным, релевантным по отношению к ним [15], то можно сделать вывод, что каждый индивидуум найдет тот смысл, который он ожидает найти, а не тот, который там есть.

Интересным в этом плане является абсурд, который непосредственно связан с космогонической константой человеческого мышления, с необходимостью «объяснить, чтобы осознать» соответствующее понятие как противоположность смысла [20, с. 71]. Таким образом, абсурдный смысл можно рассматривать как катализатор развития любого языка, поскольку он первый четко реагирует на все недостатки последнего, высмеивая их самим своим существованием, приобретая их формы, постоянно их дискредитируя.

Знаково-символическое не нуждается в причастности имени к диффузному *Мы*. Оно использует *Я*, которое само по себе именуется и узнает. Но это будет уже самоименованное существование. Самоузнавание *Я* лежит в основе всякого знания [5, с. 6]. Понятно, что, как уже говорилось, для любого индивидуума есть определенные «точки реальности», которые являются ее нерушимыми столпами, поддерживающими структуру представлений субъекта о том, чем является реальность и какое место он в ней занимает.

Важно при этом, что высказывание не является суммой смыслов отдельных слов, а конструируется на основе иерархичной программы связывания смыслов слов, их соединения в целостном высказывании, дающем элементарный (качественно новый) смысл [15]. То есть с помощью языкового смысла, выраженного в форме высказывания, человек, пусть и невербально, выстраивает свою языковую картину миру, которая, будучи строго частной (личной, субъективной и так далее), одновременно является обобщенным видением реальности эпохой или поколением людей. Так, люди, жившие в СССР, имеют определенный набор черт, по которым их легко распознают представители более позднего времени и (что принципиально!) именно они создают его (времени) *дух*.

Понятно, что у каждого слова есть *денотат*, но не у каждого денотата есть *референт*, объект внеязыковой реальности. Денотация указывает, но не определяет. Коннотация и указывает, и определяет. В процессе определения теряет смысл сама процедура денотации, сигнификации, номинации, репрезентации и манифестации [5, с. 83]. Показательна в этом плане традиция определенных племен давать ребенку два имени, одно из которых является общеизвестным, а другое – только для ближайшего круга людей. Это объясняется тем, что по верованиям того племени знать *имя* – это получить власть, поскольку если ты знаешь название (имя, наименование и так далее) чего-то или кого-то, то ты можешь это использовать.

Естественно, что абсурд представляет, в контексте вышеизложенного, абсолютно нестандартную ситуацию, главной особенностью которой является ее *нешаблонность*. Так, интересно, что при столкновении с алогичной конструкцией в тексте для читателя характерна реакция *отторжения*

абсурда как языкового факта, восприятие бессмысленной, с точки зрения логики, речевой модели как невозможной, неправильной (то есть как требующей исправления или уточнения) [20, с. 72]. Такая реакция продуцируется сознанием индивидуума, лимитируемой языковой реальностью, дискредитация которой вызывает страх, панику, озабоченность и другое. При этом психологически обусловлено то, что человек стремится увидеть то, что вписывается в его картину мира (в первую очередь языковую), а невоспринимаемые вещи как бы «выпадают» из реальности языковой, но не онтологической.

Понятно, что вопрос об абсурде традиционно возникает при анализе проблемы создания и восприятия человеком речи и текста. Логический закон противоречия говорит о недопустимости одновременного утверждения и отрицания в высказывании [39], однако и он становится мишенью для абсурда. Поскольку строение не абсурдного смысла, по своей природе основывается на логике, а последняя лимитирована здравым смыслом, продуцированным лингвистическим контекстом. В тоже время как абсурдный смысл является линзой, позволяющей увидеть внелингвистический мир, восприятие которого опосредствовано феноменом языка. Важно при этом, что любой речевой акт является прагматично обусловленным и вследствие этого вряд ли может быть бессмысленным. Можно предположить, что абсурдные языковые конструкции *a priori* являются одной из форм языковой игры, реализующейся при посредничестве разнообразных механизмов [43, с. 142].

Таким образом, понимание закономерностей смысловой природы любой языковой системы показательно в контексте успешного использования методов на основе интеллекта роя, который включает моделирование поведения агентов (к примеру, большое количество единиц в батальных сценах в фильме «Властелин Колец»), а также решение разнообразных проблем оптимизации, таких как маршрутизация пакетов по Интернет-сетям, задание нахождения оптимального пути коммивояжера, планирование, робототехника и обработка данных [17].

Природа взаимодействия языковой и онтологической реальности очень специфична: так, если первая первично узнаваема с помощью главного инструмента – собственно языка, то вторая – это зона неизвестного, того, что пугает. Будто темная лесная чаща, которая в полдень кажется такой спокойной и знакомой, а ночью приобретает пугающие очертания, внелингвистический смысл пугает своей глубиной и непознанностью с помощью привычных способов. Само по себе событие лишает человека права на молчание. Молчание возможно, если не все вещи названы своими именами. Не все обнажено. События работают по принципу обнажения. Чистой видимости. Событиям противостоят смыслы, которые всегда что-то скрывают и сохраняют. Требуя тишины молчания, они отказываются назвать вещи своими именами. И этим отказом создают мистериальный порядок бытия. Каждый выбирает, говорить ему или молчать. Видеть или не замечать увиденное. Встраиваться в событийный порядок мира или следовать мистериальному порядку первобытия. Отдаваться немоте смысла [6] и так далее.

Метод роя частиц (particle swarm optimization) – метод числовой оптимизации, использование которого не требует знаний точного *градиента роевого интеллекта (swarm intelligence)*, описывающего коллективное поведение децентрализованной самоорганизующейся системы. Системы роевого интеллекта, как правило, состоят из цепочки агентов, которые локально взаимодействуют между собой и со средой, которая их окружает. Сами агенты в большинстве случаев довольно просты, но все вместе, локально взаимодействуя, они создают так называемый *роевой интеллект* [36]. Смыслы, конечно, являются компонентами децентрализованной органической системы – языка. Понятно, что они также взаимодействуют локально, вписываясь в лингвистический контекст и актуализируя не все возможные, а лишь необходимый для передачи информации, стержневой в этой ситуации, смысл.

При этом в упомянутой языковой реальности можно выделить два значения смысла. Одно из них дословное. Другое – языковое, словесное. И словесное знание вытесняет дословное, предавая его забвению. Это вытеснение составляет главную фигуру между вещами и словами. Вещи, лишённые слова, перестают нами не только узнаваться, но и просто существовать. То есть вещи претерпевают агрессию со стороны слов. Язык ставит вещам два условия: или не быть, или быть в форме знака. При этом основополагающим принципом существования любого знака является *семиозис* (в этом контексте – интерпретация – наше примечание А. Д.). Вещь – это все же не вещь, а знак вещи. Таким образом, знак того, что ты можешь с ней сделать, а также указание на то место, где она должна быть в связи с чем она имеет смысл [5, с. 82]. Очерченные взаимоотношения можно сравнить с кодированием, особенности структуры и формы которого становятся неотложным и необходимым условием успешности его использования. То есть, используя язык, мы подписываем своеобразное «лицензионное соглашение», суть которого в том, что наша реальность становится *лингвистической*. При этом подписываем даже не мы, а те, кто про нас беспокоится в детстве, устанавливая нам эту «операционку».

Отметим, что абсурд, как правило, отождествляется с противоречием, которое можно выявить в структуре смысла. Таким образом, все речевые нарушения проявляются в виде алогичности, другими словами, как нарушение формальной и природной логики [39]. Однако главная суть абсурда в противопоставлении знаковой (языковой) реальности и реальности онтологичной. Это проблема формы и содержания. Так, мы не можем запихнуть квадратный пирог в круглую емкость. Хотя можем, но только в том случае, если срежем «лишнее». Последнее и происходит, когда мы воспринимаем логику любой языковой системы: мы соглашаемся, что голубой – всегда голубой, даже если это серо-голубой, в противном случае возникнет колебание смысла, приводящее к непониманию коммуникантами друг друга.

Воображаемое выводит реальное из-под влияния возможного и делает его причастным к имени, а значит – к бытию в качестве поименованного. Воображать – означает совершать акт симуляции. Тем самым воображаемое попадает в капкан, в ловушку, в которой, с одной стороны, его ожидает безымянная реальность, а с другой – Я [5, с. 5]. Между двумя этими полюсами существуют специфичные отношения, которые наиболее ярко характеризует перетягивание каната: *воображаемое* (поименованное, языковое и так далее) и *возможное* (в нашем понимании – внелингвистическое) находятся не в гармонии, но в противопоставлении (отдельный субъект может оказаться ближе к воображаемому, а другой – к возможному). Очерченное соотношение абсурда и не абсурда является довольно органичным, вследствие того, что первый представляется гарантией мобильности, актуальности, измененности и так далее, а второй – дает «еду» для первого. Понятно, что одним из маркеров мира детерминированного смысла является *креативность*: предзаданность смысла отсутствует и в мире, и в человеческой жизни, и в тексте, ее необходимо создать самому – в этом основное предназначение человека как *homo ludens* [24, с. 128] (человека разумного).

Философия экзистенциализма постулирует, что судьба человека в безбожном мире абсурдна. В реальной жизни человек, озабочен текущими заботами, может и не осознавать этого. И даже осознав абсурдность бытия, он может забыть про нее [11, с. 23], так же как мы миримся з тупой головной болью, когда рядом нет обезболивающего. Таким образом, мир разделяется на Я и Мы. Мы – это мир без субъекта. Если субъект – это разум, то мир без субъекта – это мир безумия, мир, в котором мы еще не научились смотреть на себя с точки зрения разума, воплощенного в Другом. Мы – это мир Всеединства, круговой поруки, тотальной вины и всеобщей ответственности [5, с. 6].

Абсурд актуализирует в восприятии реципиента специфичный миф. В границах последнего он (абсурд) представляется перед нами как Хаос: нечто, не имеющее смыслового наполнения, логичного обоснования, символизирует мир, непонятный для человека, а потому смертельно опасный и страшный. Так еще в пределах мифологического сознания рождается базовая коммуникативная стратегия человеческой цивилизации: то, что непонятно, должно быть объяснено; то, что нельзя объяснить логично, должно быть объяснено эмпирически и подкреплено верой; то, что не перестает быть угрожающе непонятным даже в границах веры, должно быть уничтожено [20, с. 73]. То есть абсурд представляется чужеродным элементом, который отторгается языковым сознанием индивидуума, вследствие непризнанности его функции, состоящей в компрометировании языковой реальности. Понятно, что упомянутая функция односторонняя, поскольку абсурд не может быть скомпрометирован смыслом, потому как он первично абсурден, а значит – логичная система не абсурда по отношению к нему не может использоваться. Так, человек, считающийся неряхой будет скомпрометирован чистотой, поскольку эта его характеристика (неряшливость) представляется естественной в глазах тех, кто окружает такого субъекта.

Семантическим маркером абсурда является *неузнаваемость*. Компонентами признака неузнаваемости являются: а) *кондетерминированность* смысла, как проявления изотопной цепочки неожиданного элемента, непрогнозируемого, неподготовленного предыдущим разворачиванием этой цепочки; б) *диффузность* как слабая структурированность признаков: семантические маркеры абсурда имеют вид скорее вектора развития смысла, чем четко заданного смыслового параметра [24, с. 128]. То есть присутствующий первый компонент – это скорее, внешняя характеристика, призванная вызывать ярко выраженное противоречие в сознании индивидуума в процессе осмысления. А вторая – характеристика внутренняя или характеристика наполнения, основная роль которой – тонкие оттенки не специфичной роли смысла в процессе нестандартного взаимодействия.

Таким образом, языковую систему логично было бы приравнять к биологической, поскольку первую характеризует такая же стержневая характеристика второй как *стадное чувство* – эффект, наблюдаемый у млекопитающих. Так, первый пробужденный рефлекс или состояние, к примеру, страх, охвативший одну овцу, может выступить в роли *поведенческой детерминанты*, которая потянет за

собой другие. У стада быстро формируется однотипное поведение, и оно в едином порыве срывается с места [30]. То есть подобно овцам или другим биологическим организмам языковые единицы (слова (лексемы) и смыслы (семы)) связаны друг с другом, поскольку смысл – это не просто значения одного слова или фразы (в случае большого текста: вербального и невербального), но, в первую очередь, смысл не общий, а обобщенный: смысл одной фразы тесно переплетается с другой и третьей, четвертой и так далее. Однако обобщенная смысловая нагрузка может быть не соотнесена со смыслом отдельной фразы.

Вышеупомянутый метод роя частиц (*PSO – Particle Swarm Optimization*) непосредственно представляет связность и взаимообусловленность языковой системы, не смотря на том, что первично он был разработан для графического моделирования хореографии стаи птиц, а в дальнейшем – развит до разнообразных прикладных задач. В тоже время как метод *ACO* разработан для решения дискретных задач оптимизации, метод *PSO* предназначен для решения непрерывных задач. В методе *PSO* каждая частичка имеет определенное расположение и скорость в пространстве поиска и, таким образом, характеризует то или иное решение. Подобно птицам, которые перемещаются в окружающей среде в поисках пищи или при уклонении от хищников, частички пролетают через пространство поиска, выискивая высококачественные решения [17]. Птицами в этом контексте можно считать семы – единицы смысла, которые могут перемещаться в сознании индивидуума абсолютно непрогнозируемым способом, конвертируясь в смыслы (абсурдные и не абсурдные). Последнее разделение мы считаем правомерным только с позиций языковой прагматики, но не онтологии, поскольку связь с бытием имеют обе эти грани (разница только в непосредственности или посредственности языком).

Отметим, что *метод роя пчел* можно эффективно распределить на несколько параллельных процессов, за счет чего существенно увеличится его скорость. Так, сравнительно с генетичным алгоритмом, операторы которого могут быть реализованы разнообразным образом, тут присутствует единый оператор – вычисление скорости, что делает его более простым в использовании. В методе роя пчел можно легко определить достижение точки глобального минимума, в то время как в генетических алгоритмах это значительно осложнено. Концепция этих методов основывается на двух совершенно разных естественных процессах: *МРП* базируется на социальном поведении роя, а генетический алгоритм имитирует процесс эволюции и естественного отбора [8]. На наш взгляд (об этом мы уже упоминали), метод роя пчел перспективен для изучения функционирования смысла в языке: особенностей наименования (номинации), связи предмета и его знака, выражения смысла индивидуумом, а также специфичности языковых картин и так далее.

Пчелы – высокоорганизованное единство, автономность каждой единицы которой служит еще большей сгруппированности и нерасслоенности смысла их существования. Последнее совсем не исключает многозадачности деятельности пчел, которая обеспечивается *профилизацией*. Язык много в чем похож на пчелиный улей, поскольку его главной характеристикой является необходимость универсализации себя как явления, формы и среды. *Язык как явление* представляется творением культур: с ее корью, коклюшем и так далее – детскими заболеваниями; *язык как форма* – это, в первую очередь, форма смыслов, которые она (форма) существенно видоизменяет для помещения в свое чрево; *язык как среда* – это внутренне языковые особенности функционирования языковой реальности, выраженной через (опять-таки) *языковые* смыслы.

У пчел доминирование проявляется по принципам: *делай как я, веди себя как я* и так далее, а также не наблюдается выраженных форм или принудительного влияния одной особы на другую – *оркестрирование поведения* семьи проявляется тоньше [30]. Язык подобен пчелиному улью с его организацией: смыслы в нем не могут быть «притянуты» друг к другу насильно, а соединяются согласно четко выверенных законов комбинирования: они взаимообусловлены друг другом, поскольку для них характерно взаимовлияние. Также как в часовом механизме, все шестерни которого взаимосвязаны и должны работать правильно, иначе невозможно функционирование всей системы, компоненты языка (слова и смыслы) взаимозависимы. При этом не важно, какой именно смысл мы продуцируем (абсурдный или не абсурдный), поскольку законы соединяемости всех компонентов работают в обоих случаях: при формировании не абсурдного смысла их необходимо использовать буквально, а при создании абсурдного – идти от противоположного, дискредитируя и компрометируя каждый постулат, развенчивая их по отдельности.

Выводы. Смысл всегда находится на грани: подобно канатоходцу, любой человек постоянно балансирует между нормой и аномалией, абсурдом и не абсурдом и так далее. При этом пропасть под этим человеком – это Хаос без имени, в котором, бесспорно, находится и первичное, велингвистическое, восприятие мира.

Конфликт между символическим и воображаемым разделил речь на внутреннюю и внешнюю. Во внутренней речи – образы, во внешней – знаки. Борьба за овладение статусом реального между воображаемым и знаково-символическим определяет все возможные соотношения слова и речи. В дуальности последних сокрыто *напряжение абсурда* [5, с. 82], однако и это, скорее, игровое, поскольку он (абсурд) – это всегда осмысленность, смысловая выходка рассказчика или писателя. Именно поэтому абсурд – это, в первую очередь, абсурдный смысл, но (ни в коем случае!) не бессмыслица, как считает большинство. То есть само разделение смысла на абсурдный и не абсурдный, ложный и правдивый, правильный и неправильный и другие является неправомерным, поскольку он (смысл) – это всегда смысл, независимо от структуры и последовательности, внутренней связности и так далее.

При этом смысл необходимо очень четко классифицировать, разделяя собственно *обобщенный смысл* и *языковой*, поскольку первый представляется внелингвистическим явлением, которое мы, находясь в плену слов (языка), не можем даже осознать, а второй – привычным для нас смыслом, высвечивающим наши высказывания, тексты и так далее *предметностью материального мира*.

Перспектива. Отдельно тут следует говорить про упомянутый обобщенный смысл, который для нас с вами может стать чем-то наподобие реализованной галлюцинации – первичным театром, образом, способом представления вещи и одновременно способом репрезентации себя [5, с. 51]. При этом сам факт возможности заглянуть на эту внелингвистическую территорию – *terra incognita* (неизвестную землю) является драгоценным само по себе, поскольку предоставляет нам больше знаний про структуру, природу и особенности языка и, наконец, возможность уникального самоосознания, происходящего не через него.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Агафонов А. Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ – М», 2000. – 336 с.
- [2] Андреева Е. Исследование эффективности алгоритмов роя пчел для решения обратной задачи радиолокационного подповерхностного зондирования: [электронный ресурс] // TSI : Transporta Un Sakaru Instituts. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.tsi.lv/sites/default/files/editor/science/Research_journals/Res_Tech/2012/V2/section2.pdf. – Название с экрана.
- [3] Васильев А. Меморализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // *Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак*. – М.: Новый хронограф: Эйдос. Т. 6.: Культурное наследие: от прошлого к будущему, 2009. – С. 56–68. – Библиогр.: 22 назв.
- [4] Вдовиченко О. В. Онтологические основания абсурда в контексте экзистенциальной философии // *Вестник ОГУ*. – 2008. – № 7 (89). – С. 70–74. – Библиогр.: 14 назв.
- [5] Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. – М.: Академический Проект, 2012. – 237 с.
- [6] Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. – М.: Академический Проект, 2008. – 235 с.
- [7] Гиренок Ф. И. Ускользящее бытие. – М., 1994. – 220 с.
- [8] Естественные алгоритмы. Алгоритм поведения роя пчёл: [электронный ресурс] // Хабрахабр. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://habrahabr.ru/post/104055/>. – Название с экрана.
- [9] Карпенко А. П. Глобальная оптимизация методом роя частиц на графических процессорах : [электронный ресурс] // АГОРА: служба автоматизации создания, размещения и поддержки интернет-страниц конференций. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://agora.guru.ru/abrau2009/pdf/188_NSSI_2009_Abrau-2009.pdf. – Название с экрана.
- [10] Карпов В. Э. Управление в статических полях. Постановка задачи // «Интегрированные модели и мягкие вычисления в искусственном интеллекте». Сб. науч. трудов VII-й Международной научно-практической конференции (Коломна, 20–22 мая 2013 г.). В 3-х томах. Т. 2. – М.: Физмалит, 2013. – С. 730–739. – Библиогр.: 11 назв.
- [11] Кирамова К. И. Культурология в вопросах и ответах. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2004. – 208 с.
- [12] Косилова Е. В. Формализация прагматики смысла : [электронный ресурс] // Философский факультет. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Aspecty_III_read.pdf. – Название с экрана.
- [13] Коляса О. В. Ігровий абсурд як спосіб виявлення комічного у постмодерністському художньому тексті // *Філологія XXI століття: теорія, практика, перспективи: матеріали III Міжнародної науково-практичної інтернет-конференції / за заг. ред. В. М. Дрьоміна*. – Одеса: Національний університет «Одеська юридична академія», 2014. – С. 30–33. – Бібліогр.: 4 назв.
- [14] Кравец А. С. Абсурд как нарушение смысла: [электронный ресурс] // eLIBRARY.LT. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/hum/2004-02/hum0402_21.pdf. – Название с экрана.
- [15] Кравец А. С. Структура смысла: от слова к предложению: [электронный ресурс] // eLIBRARY.LT. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/hum/2001-01/hum0101_05.pdf. – Название с экрана.
- [16] Лапшин Д. Н. Эхолокационная система бабочек. – М.: Наука, 2005. – 206 с.

[17] Мартенс Д. Интеллект роя агентов для работы с данными: [электронный ресурс] // ArtSoc : лаборатория искусственных обществ. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.artsoc.ru/digest/agent-oriented-models/index.php?ID=163>. – Название с экрана.

[18] Матренин П. В. Разработка приложений для визуализации методов стохастической оптимизации: [электронный ресурс] // Scientific World. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer29/99.pdf>. – Название с экрана.

[19] Морозова И. В. Память, язык и осознание в диалоге культур // Известия Саратовского университета. – 2006. – Т. 6 Сер. Философия. Психология. Педагогика. – Вып. 1/2. – С. 37–43. – Библиогр.: 10 назв.

[20] Новикова В. Ю. Хаос / Космос vs. абсурд / смысл в системе языка // Культурная жизнь юга России. – 2012. – № 4. – С. 71–73. – Библиогр.: 13 назв.

[21] Олейник А. А. Мультиагентный метод оптимизации с адаптивными параметрами // Штучный интеллект. – 2011. – № 1. – С. 83–90. – Библиогр.: 12 назв.

[22] Особенности поведения роевых пчел: [электронный ресурс] // Пчелиный рой. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://roi.4hs.ru/?Podgotovka_k_vyhodu_iz_ulmzya:Osobennosti_povedeniya_royevyh_pchel. – Название с экрана.

[23] Павлиёнис Р. Й. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

[24] Палкевич О. Я. Мир кондетерминированого смысла: абсурд // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 124–128. – Библиогр.: 13 назв.

[25] Панкина М. Ф. Десемантизация как способ развития значения слова: монография. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2012. – 122 с.

[26] Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории: учебное пособие. – М.: МГУКИ, 2007. – 434 с.

[27] Пелипенко А. Культура как субъект в зеркале смыслогенеза: [электронный ресурс] // Kremlyakov.ru. – Электрон. данные. – Режим доступа: kremlyakov.ru/library/046.rtf. – Название с экрана.

[28] Пелипенко А. Смыслогенез и структуры сознания : [электронный ресурс] // Kremlyakov.ru. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.kremlyakov.ru/library/045.rtf>. – Название с экрана.

[29] Поведение пчел : [электронный ресурс] // ZOODRUG.ru: энциклопедия животного мира. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.zoodrug.ru/topic2192.html>. – Название с экрана.

[30] Поведение пчел властный язык популяций: [электронный ресурс] // Энциклопедия пчеловодства – библиотека пчеловода. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://paseka.pp.ru/rasteniya-i-pchely/323-povedenie-pchel-vlastnyj-yazyk-populyacij.html>. – Название с экрана.

[31] Поведение пчел и состояние пчелиной семьи: [электронный ресурс] // ООО «Калинка» Производство ульев в Санкт-Петербурге и Москве. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.kupi-uley.ru/povedenie_pchel.php. – Название с экрана.

[32] Разум пчелиного роя : [электронный ресурс] // Наука и жизнь. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/14914/>. – Название с экрана.

[33] Роение пчел: [электронный ресурс] // Bee-med.info : пчеловодство для начинающих. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://bee-med.info/stati/roenie-pchel>. – Название с экрана.

[34] Севастьянова Н. Нечеловеческие медиа: как общаются насекомые и что такое интеллект пчелиного роя?: [электронный ресурс] // Теории и практики Москвы. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/posts/2221-nchelovecheskie-media-kak-obshchayutsya-nasekomye-i-cto-takoe-intellekt-pchelinogo-roya>. – Название с экрана.

[35] Соковнина В. В. Языковая игра в современной литературе нонсенса (на примере рассказа Дж. Леннона) // Новые подходы к изучению семантики. – Екатеринбург, 2012. – С. 69–74. – Библиогр.: 3 назв.

[36] Соловьев Е. В. Использование роя частиц для формирования состава мультиверсионного программного обеспечения : [электронный ресурс] // Конференции СФУ. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s012/s012-012.pdf>. – Название с экрана.

[37] Река Е. В. Абсурдность мира и человеческого существования в концепции Альберта Камю // Молодой учёный. – 2013. – № 9. – С. 484–487. – Библиогр.: 8 назв.

[38] Талев Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, 2009. – 528 с.

[39] Титова Н. Г. Лингвистический абсурд как алогичная языковая субстанция в русском и английском энигматическом тексте: [электронный ресурс] // Филология и культура: журнал. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/C%20112-115.pdf>. – Название с экрана.

[40] Троянов А. М. Особенности использования SWARM технологий при планировании загрузки вычислительных ядер в многопроцессорных вычислительных системах : [электронный ресурс] // Портал магистров ДонНТУ. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://masters.donntu.edu.ua/2013/fknt/dobrov/library/article9.htm>. – Название с экрана.

[41] Тытюк В. К. Об одном робастном алгоритме поиска глобального экстремума : [электронный ресурс] // Електромеханічні й енергозберігаючі системи. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://ees.kdu.edu.ua/wp-content/uploads/2013/04/76.pdf>. – Название с экрана.

[42] Урсул Н. В. Лингвистический абсурд как явление вторичной номинации в современном английском языке: автореф. дис. ... на соискание науч. степени канд. филол. наук: 10.02.04 – Германские языки / Наталья Валерьевна Урсул; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2013. – 19 с.

[43] Урсул Н. В. Языковая игра в абсурдном тексте (на материале стихотворения Л. Кэрролла «Jabberwocky») // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 8. – С. 141–153. – Библиогр.: 13 назв.

[44] Ходашинский И. А. Применение гибридного квантового алгоритма роящихся частиц для идентификации параметров нечетких аппроксиматоров : [электронный ресурс] // Информатика и системы управления: научный журнал. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://ics.khstu.ru/media/2013/N36_06.pdf. – Название с экрана.

[45] Цветухина Е. А. Феномен амбивалентности в бытии человека : дис. ... на соискание науч. степени канд. филос. наук : 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки) / Екатерина Андреевна Цветухина; Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2014. – 162 с.

[46] Шабалина Е. Н. Деформация как знак объективизации подтекста (на материале художественных текстов) : дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : 10.02.19 – Теория языка / Елена Николаевна Шабалина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2014. – 215 с.

REFERENCES

[1] Agafonov A.Yu. Man as a semantic model of the world. Prolegomena to the psychological theory of meaning. - Samara: Izdatelsky house "Bahr - M", 2000. - 336 p. (in Russ.).

[2] Andreeva E. Efficacy of bees swarm algorithm for solving the inverse problem of subsurface sounding radar: [electronic resource] // TSI: Transporta Un Sakaru Instituts. - Electron. data. - Access mode: http://www.tsi.lv/sites/default/files/editor/science/Research_journals/Res_Tech/2012/V2/section2.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).

[3] Vasilyev A. Memorialisation and oblivion as the mechanisms of production of cultural unity and diversity // Fundamental problems of cultural studies: Sat. Art. Materials Congress / hole. Ed. D. Spivak. - M.: The new chronograph: Eidos. V. 6.: Cultural heritage: from past to future, 2009. - P. 56-68. - Bibliography.: 22 references. (in Russ.).

[4] Vdovichenko O.V. Ontological foundation of the absurd in the context of existential philosophy // Herald OSU. - 2008. - № 7 (89). - p. 70-74. - Bibliography.: 14 references. (in Russ.).

[5] Girenok F. Absurd and speech. Anthropology imagined. - M.: Academic Project, 2012. - 237 p. (in Russ.).

[6] Girenok F. Fun to think differently. - M.: Academic Project, 2008. - 235 p. (in Russ.).

[7] Girenok F.I. Escapes being. - M., 1994. - 220 p. (in Russ.).

[8] Natural algorithms. The algorithm behavior swarm of bees: [electronic resource] // Habrahabr. - Electron.data. - Access: <http://habrahabr.ru/post/104055/>. - Title from the screen. (in Russ.).

[9] Karpenko A.P. Global optimization of particle swarm on graphics processors: [electronic resource] // AGORA: Service automate the creation, distribution and support of web-pages on the forum. - Electron. data. - Access: http://agora.guru.ru/abrau2009/pdf/188_NSSI_2009_Abrau-2009.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).

[10] Karpov V.E. Management in static fields. Statement of the problem // "Integrated models and soft computing in artificial intelligence." Coll. scientific. works VII-th International Scientific and Practical Conference (Kolonna, May 20-22, 2013). The 3 volumes. V. 2. - M.: Fizmatlit, 2013. - p. 730-739. - Bibliography.: 11 references. (in Russ.).

[11] Kiramova K.I. Cultural questions and answers. - M.: TC Welby, Publishing House of the "Prospectus", 2004. - 208 p. (in Russ.).

[12] Kosilova E.V. formalization of pragmatic sense: [electronic resource] // Faculty of Philosophy. Moscow State University named after MV Lomonosov. - Electron. data. - Access: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Aspecty_III_read.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).

[13] Kolyasa O.V. Kolyasa absurd yak sposib viyavlennya komichnogo have postmodernistskomu hudozhnomu teksti // Filologiya XXI stolittya: teoriya, practice, prospects: materiali III Mizhnarodnoi NAUKOVO-praktichnoi Internet-konferentsii / per zag. Ed. VM Dromina. - Odes: Natsionalny universitet "Odeska Yurydychna akademiya", 2014. - P. 30-33. - Bibliogr.: 4 titles. (in Russ.).

[14] Kravets A. Absurd as a violation of meaning: [electronic resource] // eLIBRARY.LT. - Electron. data. - Access: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/hum/2004-02/hum0402_21.pdf. - Title from the screen.

[15] Kravets A. Structure of meaning from words to offer: [electronic resource] // eLIBRARY.LT. - Electron. data. - Access: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/hum/2001-01/hum0101_05.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).

[16] Lapshin D.N. Echolocation system of butterflies. - M.: Nauka, 2005 - 206 p. (in Russ.).

[17] D. Martens swarm intelligence agents to work with the data: [electronic resource] // ArtSoc: Laboratory of artificial societies. - Electron. data. - Access: <http://www.artsoc.ru/digest/agent-oriented-models/index.php?ID=163>. - Title from the screen.

[18] Matrenin P.V. Application Development for the visualization of stochastic optimization methods: [electronic resource] // Scientific World. - Electron. data. - Access: <http://www.sworld.com.ua/konfer29/99.pdf>. - Title from the screen. (in Russ.).

[19] Morozov I.V. Memory, language and consciousness in the dialogue of cultures // Proceedings of the Saratov University. - 2006. - V. 6 Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. - Vol. 12. - p. 37-43. - Bibliography.: 10 titles. (in Russ.).

[20] Novikov V.Y. Chaos / Space vs. absurd / meaning in the language // Cultural life in southern Russia. - 2012. - № 4. - pp 71-73. - Bibliography.: 13 references. (in Russ.).

[21] Oleinik A.A. Multiagent optimization method with adaptive parameters // PIECE intelekt. - 2011. - № 1. - p. 83-90. - Bibliogr.: 12 references. (in Russ.).

[22] Features of behavior swarm of bees: [electronic resource] // a swarm of bees. - Electron. data. - Access: http://roi.4hs.ru/?Podgotovka_k_vyvodu_iz_ulmzya:Osobennosti_povedeniya_roevyh_pchel. - Title from the screen. (in Russ.).

[23] Pavlinov R.J. Problem of meaning: the modern logical-philosophical analysis of language. - M.: Thought, 1983. - 286 p. (in Russ.).

[24] Palkiewicz A.Ya. World of codetermined sense: absurd // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. - 2009. - № 1. - p. 124-128. - Bibliography.: 13 references. (in Russ.).

- [25] Pankin M.F. Desemantizatsiya as a way of meaning of the word: a monograph. - Voronezh: Publishing House "Origins", 2012. - 122 p. (in Russ.).
- [26] Pelipenko A.A. Dualistic revolution and smyslogenez in history textbook. - M.: MGUKI, 2007. - 434 p. (in Russ.).
- [27] Pelipenko A. Culture as a subject in the mirror smyslogeneza: [electronic resource] // Kremlyakov.ru. - Electron. data. - Access: kremlyakov.ru/library/046.rtf. - Title from the screen. (in Russ.).
- [28] Pelipenko A. Meaning genesis and structure of consciousness: [electronic resource] // Kremlyakov.ru. - Electron. data. - Access: http://www.kremlyakov.ru/library/045.rtf. - Title from the screen. (in Russ.).
- [29] The behavior of the bees: [electronic resource] // ZOODRUG.ru: Encyclopedia of the animal world. - Electron. data. - Access: http://www.zoodrug.ru/topic2192.html. - Title from the screen. (in Russ.).
- [30] The behavior of bee populations imperious language: [electronic resource] // Encyclopedia of beekeeping - Library beekeeper. - Electron. data. - Access: http://paseka.pp.ru/rasteniya-i-pchely/323-povedenie-pchel-vlastnyj-yazyk-populyacij.html. - Title from the screen. (in Russ.).
- [31] The behavior of bees and bee colonies state: [electronic resource] // Company "Kalinka" Manufacture of beehives in St. Petersburg and Moscow. - Electron. data. - Access: http://www.kupi-uley.ru/povedenie_pchel.php. - Title from the screen. (in Russ.).
- [32] Reason swarm: [electronic resource] // Science and Life. - Electron. data. - Access: http://www.nkj.ru/archive/articles/14914/. - Title from the screen. (in Russ.).
- [33] Swarming Bees: [electronic resource] // Bee-med.info: beekeeping for beginners. - Electron. data. - Access: http://bee-med.info/stati/roenie-pchel. - Title from the screen. (in Russ.).
- [34] Sevastyanov N. Inhuman media: how to communicate and what the insects swarm intelligence?: [electronic resource] // Theory and Practice of Moscow. - Electron. data. - Access mode: http://theoryandpractice.ru/posts/2221-nechelovecheskie-media-kak-obshchayutsya-nasekomye-i-chto-takoe-intellekt-pchelinogo-roya. - Title from the screen. (in Russ.).
- [35] Sokovnin V.V. Language game in modern literature nonsense (for example, the story John. Lennon) // New approaches to the study of semantics. - Ekaterinburg, 2012. - P. 69-74. - Bibliography.: 3 titles. (in Russ.).
- [36] Solovyov E.V. Using particle swarm to form a composition multiversioning software: [electronic resource] // Conference SFU. - Electron. data. - Access: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s012/s012-012.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).
- [37] Reka E.V. Absurdity of the world and human existence in the concept of Albert Camus // young scientists. - 2013. - № 9. - p. 484-487. - Bibliography.: 8 references. (in Russ.).
- [38] Taleb N.N. Black Swan. Under the sign of unpredictability. - M.: Colibri, 2009. - 528 p. (in Russ.).
- [39] Titova N.G. Linguistic absurd as the linguistic illogical substance in Russian and English enigmatic text: [electronic resource] // Literature and Culture: the magazine. - Electron. data. - Access: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/C%20112-115.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).
- [40] Troyanov A.M. Features SWARM technology use in the planning load cores in multiprocessor computing systems: [electronic resource] // portal DonNTU. - Electron. data. - Access: http://masters.donntu.edu.ua/2013/fknt/dobrov/library/article9.htm. - Title from the screen. (in Russ.).
- [41] Tytyuk V.K. A robust algorithm for global extremum search: [electronic resource] // Elektromehanichni th energozberigayuchi system. - Electron. data. - Access: http://ees.kdu.edu.ua/wp-content/uploads/2013/04/76.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).
- [42] Ursul N.V. Linguistic absurd as the phenomenon of secondary nomination in modern English language: the Author. Dis. ... For obtaining scientific. PhD degree. filol. Sciences: 10.02.04 - German languages / Natalia V. Ursul; Russian State Pedagogical University named after Herzen. - St. Petersburg, 2013. - 19 p. (in Russ.).
- [43] Ursul N.V. Language game in an absurd text (based on Lewis Carroll's poem «Jabberwocky») // European Journal of Social Sciences. - 2012. - № 8. - p. 141-153. - Bibliography.: 13 references. (in Russ.).
- [44] Khodashinsky I.A. Application of hybrid quantum algorithm swarming particles to identify the parameters of fuzzy approximators: [electronic resource] // Informatics and control systems: a scientific journal. - Electron. data. - Access: http://ics.khstu.ru/media/2013/N36_06.pdf. - Title from the screen. (in Russ.).
- [45] Tsvetukhin E.A. Phenomenon of ambivalence in being human: dis. ... For obtaining scientific. PhD degree. Philosophy. Sciences: 09.00.13 - Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (philosophical sciences) / Ekaterina Andreevna Tsvetukhin; Omsk State Pedagogical University. - Omsk, 2014. - 162 p. (in Russ.).
- [46] Shabalin E.N. deformation as a sign of objectifying overtones (based on literary texts): Dis. on competition of a scientific. PhD degree. filol. Sciences: 10.02.19 - Language Theory / Elena Shabalin; Perm State National Research University. - Perm, 2014. - 215 p. (in Russ.).

Мағынаны шектеу: сандырақ және сандырақ емес

Довгань Алексей Валентинович
a_dovgan@list.ru

Мәдениет пен өнердің басқарушы кадрларының ұлттық академиясы, филология ғылымдар кандидаты

Түйін сөздер: мағына, сандырақ мағына, сандырақ, сандырақ емес, мағынаны шектеу.

Аннотация. Мақалада тіл мен шындық мәнмәтініндегі мағына жаратылысының ерекшеліктері қарастырылады. Тіл прагматика жайғасынан сандырақ пен сандырақ емес мағынасының ерекшелігі көрсетілген.

Поступила 21.01.2016 г.